

Два счастья

известие - 2002 -
16 дек. - с. 8

Фотографам Марку Маркову-Гринбергу и Виктору Руйковичу исполнилось по 95 лет

В честь юбилея двух ветеранов камеры, входящих в число лучших фотолетописцев счастливой советской жизни, Московский дом фотографии открыл две персональные выставки. Они рассказывают, как по-разному могут видеть жизнь страны ныне здравствующие классики советского фоторепортажа, родившиеся чуть ли не в один день.

Ольга КАБАНОВА

Маркову-Гринбергу и Руйковичу повезло — им было у кого учиться. Их ранняя профессиональная молодость пришлась на звездный час стремительно становящихся советской фотографии и кинематографа. Родченко и Эйзенштейн были не только их старшими современниками, но и великими соратниками по формированию особого, радостного взгляда на жизнь молодой советской страны. Само время привило им навек снимать быстро (репортаж) и художественно качественно. А работа в фотохронике ТАСС (Марков-Гринберг), кинохронике, больших иллюстрированных журналах и центральных газетах (Руйкович) дала возможность видеть эту страну от центра до окраин и узнать ее людей — от великих до малых.

Снимки старейшин отечественного фотографического цеха знакомы всякому, кто представляет историю нашей страны. Вернее, эти снимки и есть всем известная история, образ эпохи. Но получилось так, что Марков-Гринберг отвечал за довоенное время — парад физкультурников, рабочие и колхозницы, Горький и Маяковский, Стаханов и Чкалов. А Руйкович воспел шестидесятые — узбекское семейство, давно забывшее о парандже, Ефремов и Эренбург, первые космонавты на отдыхе, широкая гагаринская улыбка, французские «звезды» на московском кинофестивале.

На фотографиях Маркова-Гринберга молодежь была крепкой, мускулистой, целеустремленной и полной энтузиазма. А на снимках Руйковича — худой, веселой и беззаботной. У одного она символизировала общее бу-

Марк Марков-Гринберг. Повариха, 1930.
Из собрания Союза фотохудожников России

дущее, у другого — личное. Естественно, что здоровой — морально, физически и нравственно — была и та и другая молодежь.

Уравняла фотографов только война — оба были фронтовыми корреспондентами. И на каких бы фронтах ни снимали, какие бы военачальники ни попадали им в кадр, цензура и самоцензура оставили единый образ военного времени.

Карьера Гринберга складывалась гладко, у Руйковича были неприятности. Однажды он снял Шолохова во время застолья в Вешенской и на рыбалке — нарушил канон портретирования советского писателя. Другой раз его фотография с голыми купальщицами на дальнем плане была напечатана в гдзэеровском журнале — разразился скандал и посыпались обвинения в безнравственности.

Почерк у двух фотографов разный — Марков-Гринберг делал снимки эпические, Руйкович — лирические, но оба оставили фотолетопись жизни чудесной страны и ее счастливых людей, радостно строящих жизнь — свою и народную. Мрачное сталинское и оттаявшее хрущевское время на их выставках предстало в своем милом стилистическом различии и нерушимом идейном единстве. Единстве советской эпохи. Где не было непреодолимых трудностей, неразрешимых противоречий, межнациональ-

ных конфликтов и общенациональных унижений, не было экономических кризисов, неправимых личных трагедий, страшных эпидемий и стихийных бедствий, не было властной коррупции, забубенного пьянства, нехорошего секса и сумрачных очередей за продуктами. Где будущее было безоблачно и люди в своих дерзаниях всегда были правы. Обе выставки — только о хорошем, только о счастье жизни.

И дело, наверное, тут не в лакировке и ретуши, а в вершине возраста, с которого фотографы видят сегодня прошедшую жизнь. Они сами отбирали снимки для своих юбилейных персоналок и не омрачили своего праздника. Это понять легко — речь идет о личной памяти.

Другое дело — память историческая. Но никакие скупые строчки в учебниках, никакие страшные лагерные мемуары и горькие домашние предания уже никогда, кажется, не смогут поколебать всеобщей твердой уверенности в том, что советская жизнь была именно такой, какой она осталась в архивах снимавших для фотохроники ТАСС, центральных газет и журналов, выходящих не возможными больше нигде и никогда многомиллионными тиражами. Советский Союз умер, но советская пропаганда обессмертила его светлый образ.